

Блямс – и готово

Я познакомился с Володей Герциком больше тридцати лет назад, но узнавал его постепенно. И я не могу сказать, что узнал, я бы ещё и дальше хотел узнавать его, но это уже, увы, невозможно. Теперь он всё больше и больше будет становиться мифом, причём у каждого знавшего его – своим мифом. И каким он был на самом деле, мы уже не узнаем, если вообще так можно ставить вопрос.

Мы познакомились у художника Виктора Николаева в Лианозово. Я тогда, да и сейчас живу в Лианозово в одном из новых домов, хотя моему дому уже 44 года. А Витя снимал там дачный домик в Ларинском посёлке, в том самом, где жили и творили художники знаменитой Лианозовской группы. Там Николаев жил и писал свои абстракции. Кстати, Володя Герцик любил возражать: это та живопись, которую называют реалистической, есть на самом деле абстракция, потому что, когда изображают кувшин или дерево, то ведь на самом деле есть только мазки кисти и пятна краски, а никакого кувшина и никакого дерева нет. А вот то, что называют абстракциями, это и есть настоящая конкретная живопись: мазок означает мазок, а пятно означает пятно. По крайней мере, в одном отношении это правильно: антоним абстрактное – не реалистичное, а конкретное. Сам Витя Николаев называл свои работы спонтанной живописью, а последние работы – абстрактной каллиграфией.

Володя и сам писал абстракции. Я помню, как он принёс показать Виктору Николаеву несколько своих небольших работ, и рассказывал, что вот он покрыл их лаком, и вроде получилось неплохо.

К Виктору Николаеву мы с женой ходили заниматься живописью в конце 80-х годов. Потом Николаев уехал в Германию, где и умер в Берлине в 2017 году. Последний раз мы виделись в 2015 г. в литературном клубе «Подвал №1», где Витя показывал фильм «Каллиграфия по небу», и в 2016 г. в Зверевском центре на международной выставке абстрактной каллиграфии.

Потом несколько лет мы с Володей Герциком не виделись, пока не встретились всё в том же Зверевском центре, наверное, в 2004 году. Тогда уже работал наш клуб «Подвал №1» и я пригласил Володю к нам. С тех пор он стал завсегдатаем нашего клуба, одним из самых активных его авторов. Последний раз он был на вечере клуба 30 марта, а следующий вечер – они у нас проходят раз в месяц – 27 апреля уже был посвящён памяти Володи Герцика. Володя выступал у нас 49 раз – почти каждый третий вечер. Это не считая незапланированных выступлений и выступлений во второй части вечера, когда все сидят за общим столом и высказываются в режиме свободного микрофона.

Об этих выступлениях Володи нужно сказать отдельно. Во-первых, он умел их делать. Не все авторы это умеют. Одни выступают слишком коротко или как-то невыразительно. Другие – так, что слушатели начинают думать: ну когда же он, наконец, закончит. С Володей такого ни разу не было. Он как-то сразу располагал к себе аудиторию и ни разу не нарушал регламента, хотя иногда это всё же позволительно при необходимости. Мы слышали много стихов Володи Герцика, слышали рассказы его жены Ирины Добрушиной, хотя она бывала у нас реже.

Там же, в «Подвале» Володя проверял на нас свои знаменитые «блямсы». Так он называл короткие слова и фразы, а название объяснял так: это то, что вдруг пришло в голову – блямс и готово. Кстати, было бы хорошо собрать все эти блямсы в один сборник,

но Володя не передавал мне свои тексты. Наверное, они есть только в его компьютере и телефоне.

Последнее время Володя читал не только свои стихи, но и стихи своих ушедших друзей. Вот и последний раз, 30 марта он читал стихи Павла Золкина, о котором сам говорил так: «У меня был замечательный друг и гениальный поэт Павел Золкин, к сожалению, скончавшийся в 2012 году, он меня познакомил с разными поэтами, которых я раньше не знал, я его считаю своим единственным учителем-современником в поэзии и живописи». Это последнее выступление называлось по строчке из стихов Золкина: «Я весеннего сока не допил...» Какое-то пророческое название получилось...

Можно много раз встречаться с человеком и разговаривать с ним, но этого всегда недостаточно: только начнёшь разговор, а уже кончилось время и пора расставаться или отвлекают посторонние дела. Для этого у меня есть дом в деревне Липовка, это 400 км от Москвы, и ещё 15 километров по бездорожью, через речку в глуши Рязанской области, на границе с Мордовией. Володя приезжал к нам два раза и жил вместе с нами недели по две в августе 2009 и 2012 годов. Когда вокруг природа, нет телевизора и компьютера, когда вместе завтракаешь, обедаешь, ужинаешь, естественно, выпиваешь и закусываешь, ходишь в лес, или купаться на речку, пьёшь чай, слушаешь звуки птиц или шёпот звёзд, можно и вообще не разговаривать. От этих поездок всегда что-то остаётся. У Володи, я знаю, было несколько хокку, написанных в Липовке или по воспоминаниям о ней. Ещё он делал интересные фотографии со всякими жуками, бабочками, комариками, змеями и лягушками, странными домами, необычными травами или просто тенью на дороге. Его фотографии как и его хокку останавливали те чудесные мгновения, которые никогда не останавливаются.

Кстати, хокку Володя писал только правильные: в размере 5-7-5 слогов, объясняя это тем, что такова традиция, а если вы пишете в свободной манере, то и называйте это трехстишиями, а не хокку. Я и сам всегда считал так же. Но, конечно, Володя хорошо чувствовал и знал не только форму, но и суть этого жанра остановленных мгновений. Своё отношение вообще к поэзии он выражал своей любимой фразой: стихи не бывают про что, стихи – это и есть что. И он резко, подчас слишком категорично, различал: писать стихи и писать стихами. Стихи были для него, прежде всего музыкой, звуком. А своим учителем, не из современников, а вообще, он считал Велимира Хлебникова. А я вот теперь жалею, что как-то не удосужился выяснить подробнее его отношение к китайской поэзии. Как тут со звуком оригинала, если мы читаем перевод? Как тут с каллиграфическим рисунком? И так далее. Уже не выясню.

В 2012 г. в деревне Липовка мы сделали с Володей анимационный фильм по его абстракциям с музыкой, которую он выбрал сам – это музыка дзэнских монастырей Японии. Сначала показали этот фильм там же в Липовке на посиделках в доме у Лены Камбуровой, потом – на вечере «Подвала». Последний раз я показал этот фильм уже на вечере памяти Володи 27 апреля, добавив запись голоса Герцика, читающего свои стихи.

Последние годы я несколько раз бывал дома у Володи. Почему-то так получилось, что это уже было после смерти его жены, Ирины Добрушиной. В его квартире трогательно сохранялись в неприкосновенности вещи, связанные с её памятью. Каждый раз Володя говорил: вот здесь всё сделано Ириной или по её придумке. Я знаю, что Володе было бы приятно, если бы я сказал несколько слов о его жене. Этих слов у меня мало, потому что я её почти не знал, видел несколько раз на вечерах «Подвала» и на вернисаже одной моей выставки, где она читала свою прозу. Володя говорил, что есть очень мало минималистов в прозе, но одного автора он знает – это Ирина Добрушина. У неё, действительно, очень

короткие, но удивительные рассказы, почти миниатюры. Они не «сделаны», а как бы сами родились – как Володины «блямсы». Её стихи я знаю плохо, поэтому не говорю о них. Володя тяжело переживал смерть жены в мае 2014 г. Она была старше Володи на 18 лет. Окончила, как и я, мех-мат МГУ, но только на 18 лет раньше меня. С Володей они познакомились в 1968 г. и, как говорил Володя, «совместно они решили отбросить всё, что было написано до этого года, и начать сначала». Они прожили вместе 46 лет.

В октябре 2014 г. мы вместе с Володей путешествовали по Армении. Мне кажется, ему это хоть немного помогло жить дальше без Ирины.

И конечно, как это ныне принято, мы с Володей общались виртуально, в Фейсбуке. Мы часто зацеплялись языками, обычно, по каким-нибудь околофилософским вопросам. Он был моим любимым оппонентом, я даже мог на него злиться. На мой вкус Володя слишком верил в некоторые вещи: одни он где-то и от кого-то услышал или вычитал, другие придумал сам. Например, он органично не любил марксизм и, особенно, марксизм-ленинизм, и эта его нелюбовь распространялась и на предшественников по философии, например, диалектику Гегеля. А мне нравилось, когда Гегель говорил, что мир полон противоречий. Вот недавно я нашёл чудесный аргумент: оказывается, математики уже изучают формальные логики, в которых ограниченно допускаются противоречия, хотя, казалось бы, это противоречит, извините за каламбур, и духу и букве математики. Они называются паранепротиворечивые логики. Но я не успел привести этот аргумент – Володя умер. А другие люди, к сожалению, мало интересуются такими вещами.

Я сказал, что Володя слишком во что-то верил. Отсюда его горячность и непримиримость к каким-то вещам. Было бы забавно составить список людей, которых он забанил в Фейсбуке. Я его как-то спросил: а чего ты меня не забанишь? На что он ответил: ну, мы же друзья. Это была ещё одна его вера. Вера в дружбу.

А, кроме того, все наши разногласия с лихвой компенсировались у Володи чувством юмора. Я вообще считаю, что чувством юмора можно компенсировать почти всё, если, конечно, это чувство распространяется и на его носителя. С этим у Володи тоже было всё в порядке. Мне очень нравится его стихотворение «Я памятник себе воздвиг». Но это нужно, чтобы он сам читал. Со своей неповторимой интонацией.

Володя был безнадёжным романтиком: он верил, что существует истина, что люди делятся на плохих и хороших, а стихи могут говорить сами за себя. Но он был слишком умным, чтобы эти утверждения выглядели глупо. И ещё: если бы он сейчас был жив, он непременно возразил бы мне. А то, пожалуй, и обозвал бы как-нибудь. Да при его жизни я и не стал бы говорить такое: я это в нём чувствовал, но доказать-то ведь не мог.

Очень важно отношение Володи к религии. Он её отрицал: страстно и подчас яростно. Аргументы типа того, что религия тесно переплелась с культурой и т.п. на него не действовали. В этом смысле он был максималист. Он был буддистом, но считал буддизм учением, причём учением истинным и никак не религией. Мне кажется, это говорит о предельной честности его мышления и отношения к миру. Компромиссов он не допускал. Поэтому и не любил конфуцианство, которое люблю я, и ровно за то же самое: за склонность к компромиссам. Когда я говорил ему, что за склонностью к компромиссам может стоять бескомпромиссная позиция, он этот аргумент не принимал. Мне кажется, он думал, что средства не могут оправдывать цель, и в этом он был отчасти прав.

Каким человеком был Володя: западным или восточным? С одной стороны, он был буддистом, а это Восток. Он писал хокку, любил чай и всякие китайские кушанья и

приправы, вообще Китай и Японию. Но когда дело доходило до социальных и политических вопросов, его предпочтения оказывались целиком на Западе. Как в нём это совмещалось, я не очень понимаю. На мой взгляд, выдёргивать образцы высокой духовности и свободолюбия на Востоке и отрицать всё остальное, или выдёргивать то же самое на Западе и закрывать глаза на всё остальное, – это уж слишком противоречиво. Но в нём эти противоречия как-то уживались, или, лучше сказать, возносились к какой-то особой, одному ему присущей цельности. Понять это невозможно, но, как говорят философы, можно «схватить». Как схватывается мгновение в хокку. Как говорил сам Володя Герцик: блямс – и готово...

Игорь Бурдонов
30-31 мая 2019